у себя много жон, по двадцети и по тритцати и болши». Кур другими текстами из того же источника защищает себя: «помниш ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полнитися, сице плодитеся и роститеся и умножите землю, о сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитеся велми, то будите наследницы царствия небеснаго». Лисица упрекает кура в ненависти к «брату своему», в том, что и к ней голодной у него не было жалости, когда он помешал ей украсть у крестьянина курицу. Кур и евангелием и пословицей оправдывается: «и во святом евангелисте пишет: не может раб двема господином работать...» Он просит лису о помиловании, вспоминая и заповеди блаженства, и апостола Петра, и царя Давида. Наконец, в виде последнего аргумента, он зовет лису на службу к Крутицкому митрополиту «в просвирни»: «тебе будет добро кануны молить, госпожа *моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много». Но лиса не поддается* на соблазн: «тако сконча живот куру», печально заканчивается повесть.

С точки зрения официального православия XVI—XVII вв., была недопустима такая трактовка религиозных вопросов, какую мы находим в этой схеме повести о куре и лисице. Образ исповедницы, которая зовет к покаянию, убеждает словами св. писания, и в то же время таит замысел, ничего общего с этим призывом не имеющий, — так же противоречит христианскому понятию об исповеди, как и кур, евангельскими заветами оправдывающий свое многоженство. Оба героя формально отстаивают свои позиции, и читателю ясно, что автор этим приемом вскрывает глубокое противоречие между теорией, которую оба собеседника берут из одного источника — св. писания, — и их житейской практикой, очень далекой от этих заветов.

В повести о куре и лисице нет, конечно, прямого отрицания исповеди и идеи аскетизма, но очень тонко показана вся внутренняя фальшь представителей официального благочестия. Оба собеседника, аргументируя от св. писания, толкуют его не по существу, а исключительно формально. Особенную ловкость в этом отношении обнаруживает кур, парируя упрек в многоженстве. Ни в какой явной ереси читатели не могли уличить автора повести, но «смехотворная» трактовка вопросов, связанных с идеей о покаянии, о благочестивой жизни, лживый образ исповедницы — все это рисует нам автора, как человека, затронутого тем «вольномыслием», которое допускало критическое отношение, если не к религиозной теории, то, по крайней мере, к ее практике. Возражений по существу против самой исповеди наш автор не делает, но исповедника он изображает явно издевательски. Ника-